

Г2005

792.62

Матайкызы

Исповедь
матери

Дильга
Матайкызы

**Исповедь
матери**

*Перевод с казахского
Герольда Бельгера*

"АУДАРМА" БАСПАСЫ
АСТАНА — 2004

ББК 84 Қаз7-44

М33

ВЫПУЩЕНА ПО ПРОГРАММЕ МИНИСТЕРСТВА ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Матайкызы Дильда.

М33 Исповедь матери. Перевод с казахского
Г. Бельгера. – Астана: Аударма, 2004.
– 216 с.

ISBN 9965-18-090-3

В оригинале эта книга названа сухо “Раздумья о воспитании”. Однако автор, Дильда, дочь Матая, невестка Тасмагамбета, обозначая основные вехи своей непростой, порой драматической биографии, выходит далеко за рамки сугубо педагогических проблем. Автор живо повествует о судьбе своего поколения, о жизни народа, о своих близких и родных, о казахских обрядах и обычаях, поверьях и традициях, мировосприятии, о доброте и человечности, благородстве, достоинстве и чести, заповеданных предками.

Проникновенное повествование перебивается лирическими отступлениями, обращениями к молодому поколению – детям, внукам, правнукам.

Это – книга-исповедь.

Исповедь матери.

М $\frac{4702256201-100}{00(05)-04}$

ББК 84 Қаз7-44

© Матайкызы Д., 2004

ISBN 9965-18-090-3 © Издательство “Аударма”, 2004

*Как одолеть науку жить?
Ее порог недосягаем.
Как научиться дорожить
Земным обыкновенным раем?*

Сауле Усенбекова

Под ликующий гомон ранних птах, предвестников нового дня, я встаю со своего благословенного ложа и, подставляя лицо живительным струям бодрящего воздуха, как бы омываясь им, шепчу идущие от сердца сокровенные слова: “О, Создатель, всеблагий и всемогущий! Ниспошли верным рабам твоим благодать и милосердие, здравие и благополучие. Укрепи их волю, усмири гордыню и алчность. Поддержи заступников и благодетелей наших. Воздай тем, кто блюдет достоинство предков. Да испытает праведная душа безмерные Твои щедрость и благость на этом и на том свете!”

“Начало жизни – торжество, а конец – разлад и печаль”, – не случайно сказано мудрецом нашим Абасм. Хорошо и достойно ли провели мы свою жизнь или о многом ныне сожалеем, сразу и не скажешь, но как бы там ни было, промчалось, пронеслось наше время, как вольный ветер в стени, как

льдины в половодье. Человек, прежде всего творение Аллаха, потом — дитя общества. Создатель наш дал человеку жизнь, свет и душу, разум и мечту, пропитание, а замысел и намерение оставил на долю каждого из нас. Мое поколение, в каком бы обществе ни жило, искренне, как молитве, верило в политику и идеологию. Так нас воспитывали. Не было двуличия ни в мыслях, ни в чувствах. И позже, когда настали иные времена и изменился лик общества, мы, разумеется, не задавались вопросом о том, как расценят грядущие поколения, бескорыстно пролитые нами пот и кровь во имя высоких целей, во благо родины. Теперь, на склоне лет, я стараюсь осмыслить, взвесить все бывшее.

Таков твой жребий, раб Всевышнего,
Так скоротечен жизни путь...

“Общество совращается — дружба исчезает, люди развращаются — любовь умирает”, — изрек наш пророк Мухаммед.

Значит, печалилась святая душа о грядущих потомках, да возликует его сердце в раю. Ныне наши многомудрые ученые мужи утверждают, что мир переживает экономический, экологический и нравственный кризис и чтобы успешно преодолеть два последних, необходимо, мол, резко поднять экономику. Конечно, у каждого свое мнение и на чужой роток не накинешь платок, но мне, признаюсь, трудно согласиться с подобным утверждением. На мой взгляд, начать надо как раз с нравственности.

Вот основа основ всего сущего. Общество может выправиться, встать на путь истины лишь там, где царят чувство долга, честность, дружелюбие и доброта, неразрывное единство знания и воспитания, подлинная духовность. Тогда и экономика начнет процветать, и до экологии дойдут руки. Проблемы человечности, нравственности должны стать, в конце концов, красугольным камнем национальной идеологии. Разве мы не являемся очевидцами того, как в иных экономически благополучных и развитых странах молодежь предается наркомании, преступности и разным диким забавам – извращениям, от которых волосы встают дыбом?

Дерево вырастает кривым, коли саженец принялся криво. И если его не выправишь вовремя, то и тень от него ляжет криво. Русские говорят: "Кто криво запряг, тот и поехал так". Э, милые мои, свет очей моих, детки, вступающие в жизнь, поймите: человеколюбие, гуманность, нравственность – родственные понятия. У казахов они начинаются со всеобъемлющего слова – АЙНАЛАЙН. По-русски буквально это означает: "Кружусь вокруг тебя". Я кружусь вокруг тебя, чтобы все твои беды-горести перешли ко мне. Дорогой, дорогая, милый, милая, родной, любимая – вот что означает по смыслу это дивное казахское слово – АЙНАЛАЙН. С этим ласковым словом я обращаюсь к тебе, мой читатель.

В далекой молодости я обрела самую гуманную профессию, выучившись на военного врача, а ныне, вступив в восьмой десяток, сполна познав радостей

и горестей жизни, обзаводившись желанными внуками и правнуками, став почтенной матерью целого клана, я хочу поделиться с тобой, мой айналайн читатель, бесхитростно и добросердечно, всем сокровенным — тем, что испытала, передумала и переживала, что было заповедано благословенными предками, что получила в наследство, что вынесла под кровом родного очага, что пропустила через сердце и душу. Эти записи мои — мое завещание, мой аманат молодому поколению. Я уже сказала выше: каждый придерживается своего замысла-намерения. Но если тот, у кого душа открыта и сердце понятно, прислушается к твоим добрым словам и советам, оправдаст твои потаенные надежды, как бы окрыляет их, то это разве не благодарное воплощение твоих благих намерений? Ведь у прожившей жизнь матери, изведавшей сполна и зло, и добро, и радость, и лихо, накопилось в душе-сознании немало сокровищ, достойных внимания. Не так ли? И я прошу тебя, айналайн читатель, воспринять мои скромные записи, мои заметы-наблюдения как исповедь Матери.

I

На этом свете дороже родителей, одаривших тебя жизнью, вскормивших и вспоивших тебя, никого, конечно, нет. Вот и я начну, пожалуй, сказ свой с благословенной памяти родителей своих. Отца моего незабвенного жителя родного края от мала до велика неизменно уважали и почитали. До последнего мгновения жизни все почтительно называли его Матеке. Появился на свет мой отец Матай Коканулы в 1886 году в местечке Куланды тогдашней волости Ак-мечеть. Родом из шестиколленного Алима, подрод — Тлеукабак. Летовкой и зимовкой его предков служили побережье Аральского моря и пески между Иргизом и Борсыком. Был Матай, сын Кокана, человеком для своего времени образованным. Начальной мусульманской грамотой овладел в родном ауле, потом долгих семь лет учился в высшем духовном заведении в Бухаре и являлся одним из первых переводчиков священного Корана на казахский язык.

Рослый, крепкого телосложения, смуглолицый, решительный, быстрый в движениях мой отец, бывало, напористым голосом напевал старинную песню:

Хочешь знать про мой род — Тлеукабак,
Край, где радостной песни не спеть я не мог!
Я у юрты сижу,
По дорогам брожу,
Дай мне счастья, Создатель, хотя б с ноготок!

И когда он избирался волостным правителем и разъезжал на породистом иноходце, и в невзгодах, когда приходилось томиться в неволе, верными спутниками его неизменно оставались трезвый ум, честность и прямодушие. Так я воспринимала отца.

А мать моя, Калбуби, дочь Бахтыбая, — уроженка Куланды, 1890-го года рождения. Росла она в состоятельной семье, в воле и холе, в любви и ласке. И хотя грамоты не знала, но всю жизнь, как истая правоверка, свято почитала и усердно исполняла все мусульманские предписания. Среднего роста, светлоликая, редкая чистюля, полная гордого достоинства, она содержала дом в образцовом порядке и блюла честь родного очага.

Если углубиться в родовые дебри, мы являемся прямыми потомками прославленного батыра Котибара. От Котибара родились известные Есет батыр и Дари. Лихой батыр Есет, сказывают, на боевом быстроногом коне, в сверкающих грозных доспехах вихрем носился на вольных просторах между двумя морями, защищая край родной и наводя страх и ужас на врагов, и именем и славой его дорожили и знать, и челядь, а помнят его благодарно и поныне все казахи. Мне в молодости доводилось видеть фотографию, запечатлевшую батыра в Санкт-Петербурге, когда он был на аудиенции у батюшки-царя. Фотография свидетельствовала об эпохе затянувшихся стычек с колонизаторской политикой царской империи, когда обе враждующие стороны не смогли одо-

леть друг друга. И тогда белый царь в поисках перемирия завлек в свою столицу группу знатных и мятежных степняков. Среди отборной степной знати, облаченной в расшитые золотом богатые чапаны, поджав под себя ноги, гора-горой восседал и колоритной внешности батыр Есет. На шее его висела золотая медаль, величиной с детскую ладонь.

Отпрыск столь именитого предка, мой отец еще молодым, как говорится, оседлал коня, управляя народом, трижды избирался волостным, девять лет ходил в правителях, однако, богатством не увлекся, жил скромно, не предаваясь утехам и соблазнам. Сородичей это, видно, обескураживало. И однажды они пригнали ему косяк лошадей, чтобы не срамился перед людьми, но мой отец отказался от такого дара:

— Богатство, говорят, до первого джута. Одна бескормица-зима и нет твоего скота. Да возблагодарит Создатель за вашу щедрость. Я доволен вашей заботой-вниманием.

Сказав так, мой отец заставил скот погнать обратно. И отара овец с бляением, стадо коров с мычанием, косяк лошадей с ржанием и пофыркиванием подались назад, поднимая из-под копыт клубы аральской пыли. Отец мой, видно, с ранних лет почитал главным образом духовное богатство.

Помню, в детстве аульные старцы, точно легенду, рассказывали:

— Было тогда Матаю года двадцать два — двадцать три. Цветущая пора джигита. Знали

его во всей округе как надежного и доброго человека, как меткого стрелка-мергена, что попадает в глаз мчащейся косуле. В 1915-1916 годах в мирные казахские аулы черной тучей хлынула российская солдатня. Что она только не вытворяла! Без спроса-разрешения угоняла табуны на выпасах. Забирала тучные угодья вдоль побережья. Точно стая сорок, жадных до всего блескучего, отбирала у девок-молодок все драгоценности. Рыскала по аулам, шарила по юртам. И никакой на нее управы. И когда бедный беззащитный люд изнемог от произвола и насилия, Матай направил письмо-жалобу Оренбургским властям и поставил вопрос, что называется, ребром. Дескать, пусть попросят нас добром — все отдадим. А будут насильничать, разбой творить — терпеть не будем. Аулы готовы взорваться. Если дойдет до кровавых стычек — пеняйте на себя.

Письмо возымело действие. В Оренбурге одумались. От пограничной Комиссии немедленно поступила депеша разгулявшимся казакам: мол, прекратите безобразия против местного населения. И распоясавшиеся казаки уняли разбойничью прыть, подобрали, как говорится, руки-ноги.

Вскоре избавились от этой напасти, все мытарства, вроде как, оказались позади, и в аулах вновь воцарились мир и покой, но тут начали совершать набеги соседние туркмены. И хоть казаки и туркмены — родственный народ с едиными корнями и жили издревле по соседству, мешаясь, как говорят, и аулами, и

скотом, и пастбищем, и водой, но разные обиды, недоразумения, барымта, взаимные набеги и стычки случались время от времени между ними в течение веков. Причины для столкновений, вероятно, бывали разные, и внутренние, и внешние — кто во всем разберется. У богачей, известно, всегда найдется повод для драчек и ссор. Другое дело — бедняки-нищелюбы, все состояние которых — десяток овец и поносливых коз. Им искони не до жиру, быть бы живу. И какое им дело до тех, у кого и помыслы другие, и родовой клич иной.

А была, как сказывали, ранняя весна, трудная пора, когда, по поговорке, жирный усыхает, а тощий подыхает. В это время кочевой народ, хоть богачи, хоть бедняки, развязывает пролежавшие всю зиму тюки, расстилает на солнце пропыленные кошмы, домотканые паласы, проветривает, просушивает домашний скарб, а девки-молодки, вооружившись цыганской иглой и жильными нитками, латают прохудившиеся кошомные юрты.

Возле каждой юрты хлопочет старуха, заставляя дюжих джигитов бить-теребить вороха шерсти осеннего настрига, из которой она искусно выкладывает по войлоку узоры-орнаменты в форме крутых бараньих рогов. Мужчины в это время объезжают неукон, скачут на них невдалеке по вольной степи. Перед юртами пыхтят, обволакиваются паром пузатые самовары, в чугунных казанах на треноге булькает сорпа, в которой варятся-поспевают толстенные, набухшие связки казы — конской кол-

басы и огромные кусмины верблюжьего горба, распространяя по всей округе сытый, духмяный аромат, пьянящий каждого прохожего... ой-хой, что тут говорить, славное, незабываемое времечко — весна в аулах кочевого люда!

И вот в мирный, безмятежный аул бия Байдалы у песков Борсыка, в самый канун откочевки на летовку-жайлау, среди бела дня, откуда ни возьмись, нагрянул вооруженный до зубов отряд туркменов-аламанов.

Застав врасплох, избили, связали по рукам-ногам казахов-мужчин. Женщины подняли гвалт, заголосили с испугу-страху, подраставшая, как весенняя отава, малышня, обезумев, попряталась по закоулкам, сусекам, ларям и тюкам. Скот, пасшийся вокруг, в мгновение ока обернулся добычей лихоимцев.

Кто-то издали заметил вражий набег и с криком, воплями примчался к моему отцу. Байдалы приходился нам дальним родственником.

— Ойбай, Матайжан, беда, беда! Туркмены напали на аул и никого не щадят. Одному голову дубинкой проломил. Другого палицей изувечили. Лошадей угнали за перевал. Останови этот разгул. Вся надежда на тебя!

И с этими словами вестник от горя-печали кубарем скатился с коня.

Какой же мужчина усидит, когда народ его грабят? К тому же, если он волостной, да прославленный охотник-мерген? Отец мой мигом собрал ватагу отважных джигитов, бросил бо-

своей клич и кинулся на выручку попавшему в беду аулу. В укромном местечке он подстерег разбойников, вихрем обрушился на них, отбил пленников и скот, спас имущество.

“Скот угнал — обиду и гнев посеял” — говорят казахи. На радостях бедный Байдалы совсем потерял голову и все твердил: “О, Создатель, забери хоть сегодня мою жизнь. За меня отомстили”. Потом, сказывают, опустился на корточки, сложил ладони и поблагословил спасителя своего: “Матайжан, будь удачлив на этом и на том свете”...

Айналайн сыны мои! Знаете ли, сколько близких родственников бывает у джигита? Если знаете — прекрасно. А не знаете — внемлите рассуждениям бия Бокена и прославленного Асау.

Однажды, усадив дорогого гостя, бия Бокена на почетное место за обильным дастарханом, Асау спросил:

— Би-ага, сколько близких сородичей бывает у джигита?

— А ты думаешь, сколько? — поинтересовался би.

— Обычно называют свой, отчий род, материнский род и род жены. Три опоры у джигита. И еще при этом добавляют: отчий род завистлив, материнский род придирчив, а род жены привередлив.

— Э, Асаужан, в ответе твоём есть изъян, — задумчиво изрек би Бокен. — У джигита есть еще один сородич, который не завистлив, не придирчив и не привередлив. Это сыны шести-коленного алаша-народа по имени казахи.

Асау, никогда не лезший за словом в карман, тут потрясенно произнес:

— Однако, на свете еще много того, чего мы, оказывается, не знаем...

И многозначительно оглядел всех, сидевших за дастарханом.

Сынишка Асау, внимательно прислушивавшийся к беседе старших, неожиданно промолвил:

— И такого мудреца Есентемирцы (название рода) усадили на быка! Какой позор!

Мальчик тотчас вскочил, привел заседланного скакуна отца и поставил у коновязи.

— Почтенному мудрецу — достойного скакуна!

Сыны мои, мечтающие о правлении народом, стремитесь стать не заступниками своих сородичей, а слугами всех детей казахов... Вот вам мой материнский наказ.

II

Разве бывают плохие родители, да будут они вечно благословенны?! Мать моя, Калбуби, была подстать моему отцу. Не проси у Создателя ни богатства имущего, ни желания нищего. Самое главное, мои милые, заключено в доброте-желании человека.

“Мертвые уже не мертвые, если живые благоговейно воскрешают их”, — говорят в народе. Верно замечено. Я убедилась в том, что все добро или худо, совершенное при жизни, бесследно не исчезает, в землю вместе с тобою, оказывается, не уходит. Все хорошее переда-

ется по цепочке из поколения в поколение и продлевает твою земную жизнь. Все, о чем я пишу, тоже не выдуманное мною, а правдивое и искреннее изложение того, что веками откладывалось в сознании предков и эхом откликается в наших душах. И не след затаивать то, что может послужить уроку-воспитанию, особенно, если есть доброе сердце, способное воспринять твои неназойливые назидания.

Итак, мать моя была тогда еще своевольной девушкой на выданье. Э, что тут говорить, коротка девичья пора, как время цветения тюльпанов по весне. Подует первый знойный ветерок — и усохнет цветок.

Родители моего отца, как говорится, поместили ее, высватали, выплатили надлежащий калым. Уже готовились исполнять другие положенные в таких случаях обычаи-обряды, уже ждали приезда жениха, но тут мой будущий отец во второй раз вступил в выборы на должность волостного. Выборы на волостного правителя тех лет проходили не менее напряженно, чем нынешние выборы в депутаты. Что тут начиналось! Кто имел резвого коня — по аулам скакал; кто обладал ловким языком — у очагов вещал; все булгачили народ, собирали сброд, морочили родню, трясли мошну, бедняк мечтал о богатстве, богач — о власти, словом, суматоха, что пыль столбом, дым коромыслом. Кончилось тем, что Матеке, еще не женатого, но с ранних лет державшего вожжи правления и недоуздов власти в своих креп-

ких руках, избрали на второй срок. Какой девушке, пребывающей в томлении, день и ночь мечтающей о замужестве, не по душе, если ее суженый становится избранником народа? Она, бедняжка, от души-тревоги измучится, иссохнет, пока узкая девичья тропинка выведет ее на широкую дорогу.

И вот будущие ее девери, старшие и младшие сородичи нареченного уже скачут во всю прыть в аул невесты, требуя дорогого подарка за радостную весть: “Калбуби! Женеше! Суюнши! Суюнши!”

Окружили, обступили плотным кольцом счастливую, взволнованную невесту, шутками-прибаутками требуя дань за добрую весть. И тогда будущая моя мать, сказывают, сняла с себя кожаный пояс, инкрустированный золотыми и серебряными пластинами, и протянула настойчивому джигиту-деверю.

— Бери, мой красавчик! Пусть это будет платой за великую радость.

Много лет спустя, когда народ ввергли в страшный голодомор, этот драгоценный девичий пояс обменяли на зерно и тем самым спасли многочисленную семью от верной гибели. Так рассказывали потом мои дядья.

“Мой сивый конь несется вскачь, но рысь не любит, моя душа склонна брать, давать не любит”, — говорится в древнем сказе. Когда я вспоминаю эти строки, на память мне приходит многое из того, что ушло-прошло безвозвратно.

А воспоминания о прошлом большей частью связаны с родителями.

В 1909—1910 годах у Матеке, рассказывают, был великолепный иноходец сивой масти. Отец был равнодушен к богатству, но в своем иноходце души не чаял, убежденный, что он один стоит большого табуна. Естественно, иноходцем любовались многие, но никто не осмелился позариться на любимого коня волостного. И вот однажды замужняя сестрица отца Умит приехала со своими малыми детьми к родному брату (к слову сказать, потомки тетушки Умит ныне проживают в Актюбинской области). В те времена замужняя женщина крайне редко навещалась в отчий аул, не то, что нынешние молодки, приезжающие в родительский дом, когда им вздумается. Тогда женщина, вышедшая замуж неподалеку, посещала родное гнездышко в лучшем случае один раз в году, и то лишь с разрешения и благословения свекра и свекрови. Потому, приезд молодки к родному очагу, под родительский кров, считался большим, радостным событием. Накануне приезда Умит весь аул моего отца пришел в возбуждение. “Ойбай, любимица наша приезжает, встречайте ее как положено, приберите юрту, обновите постель, обласкайте ее, ни в чем ей не отказывайте”, — захлопотали-засуетились аулчане. Ну, а жены близких родственников и вовсе с ног сбились, покоя лишились. На каждом углу шу-шу, гу-гу, тары-бары рас-табары. “Ой, девоньки, моя ненаглядная такой видной из себя молодкой стала! Стройная, нарядная, вся расцвела, словно тюльпан по весне. И зятек наш, видно, холит ее, лелеет.

Платье бархатное, до самых пят, сапожки сафьяновые на каблучках, а браслет на руке из чистого золота, стоит — ей-ей — не меньше одного справного коня!” — захлебывались аульные трещотки. О-о, приезд замужней женщины в родной аул и отъезд ее — предмет восторженных разговоров, считай, на полгода. Одни говорили искренне, от чистой души, другие — от черной зависти, сжигавшей нутро, третьи — от неумемной потребности языком молоть.

Тетушка Умит, обласканная вниманием родственников, вся удовлетворенная щедрым гостеприимством, начала готовиться в обратный путь, в аул, куда ее выдали замуж. Перед отъездом, как положено, спросили ее, что она пожелает. Таков освященный предками обычай, и отказывать в таком случае просто предосудительно, неприлично.

И Умит сказала:

— Ничего особенного просить не буду. А желание мое — сивый иноходец моего брата.

Все опешили. Вот тебе раз! Никто о такой просьбе молодой, взбалмошной женщины и не подумал. Кто знает, какой бес ее за язык потянул: то ли легкомыслие, то ли тщеславие похвастать перед родичами мужа одолело — сказать трудно. В самом деле, вернуться к свекру и свекрови, ведя на поводу прославленного во всей округе иноходца, — гордости самого волостного, — поистине царский подарок, от которого может вскружиться голова. Можно себе представить какие слухи-разговоры поплывут по верховьям и низовьям.

— Пай-пай! Ах, ох! — захлебнутся от восторга. — Как волостной, однако, свою сестрицу почитает-ублажает! Ни в чем сїі отказа нет. Иноходца, на котором ездит по важным делам, запросто отдал в подарок! Где это видано?! А иноходец-то — и впрямь загляденье. Глаза угольками горят, хвост и грива шелком шелестят. Картинка! На таком коне разок проехаться — и ты почувствуешь себя на седьмом небе. Какая же счастливая сестра волостного!

Видимо, Умит на то и рассчитывала, когда попросила брата о такой жертве. Брат, однако, проявил невиданное щедродушие.

— Да-а... — только и сказал мой отец. — Попросила то, что и просить не полагается. Что ж... хоть и долгополая женщина, а родная кровь. Разве откажешь? Пусть забирает. На счастье и удачу! В аулах для меня, надеюсь, какой-нибудь справный конь найдется.

В самом деле, что может быть дороже желания сестры и чести-достоинства старшего брата?!

Позже, достигнув зрелых лет и став почтенной матерью семейства, Умит не однажды сожалела о том своем поступке.

— Прости меня, Создатель! Какая же глупая я была, лишив брата его любимого иноходца. Не знала, не догадывалась, дуреха, что конь был его гордостью перед друзьями, предметом зависти врагов. И поныне стыд жжет мои щеки, когда вспоминаю о той своей глупой выходке.

Есть такая древняя казахская поговорка: “Голова человека — мяч Аллаха”. Означает это, что судьбой человека играют его время и среда обитания. В те смутные, мутные времена, когда белые бежали, а красные преследовали, над каким казахским аулом не кружилась белая метель, не вскручивался красный вихрь? Бай и би слыли врагами, просвещенные муллы, ишаны, что пеклись о разуме и нравственности в степи, считались невеждами. Тогда спрашивается, кто же являлся верным другом разнесчастных казахов? Неужели те, что хлынули из тюрем, ходили в большевиках или бездельники и тунеядцы, горланившие повсюду о свободе? Сама цель — искоренить богатых и вознести нищевродов — была, как мы убедились, в корне сомнительной.

“Нельзя сделать слабого сильнее, ослабляя сильного, нельзя помочь бедным, уничтожив богатых, нельзя постоянно помогать людям, делая за них то, что они могут и должны сделать сами”, — мудро сказал Авраам Линкольн. Если бы вовремя вняли подобному совету, может, и не докатились бы до бесславных времен. Нежданно-негаданно все перевернулось вверх дном, и пошел сын на отца, брат на брата, и искривились пути человеческие. Сплошь и рядом обернулось так, что старший брат очутился у красных, младший оказывался в стане белых, все понеслись на поводу лихой политики, и дети, выросшие под одним лоскутным одеялом, становились непримиримыми врагами. Что хорошего можно было

ожидать от казахов, которые в одночасье лишились сливок и вынуждены были довольствоваться блеклой сывороткой? Сколько достойных, славных азаматов было загублено ни за что, ни про что, скольких даже не предали с честью земле, скольких исклевали степные коршуны? Страшно подумать!

Неслучайно замечено: “Первый враг казахов – сами казахи”. Э, милые мои, в истинности этих горьких слов мы убедились, как говорится, собственными ушами и глазами. Не могу судить, в чем тут причина. То ли мы, казахи, по сравнению с другими народами, излишне склонны к злым наветам-слухам, то ли завистливы или не в меру доверчивы, не знаю, не знаю... Одно мне ясно: в лихую годину никто извне наших лучших сынов не уводил. Сами друг друга изобличали и преследовали, сами друг на друга доносили. Всегда, во все времена, среди нас самих находились в избытке пакостники-злодеи, которые и сами не жили и другим житья не давали. Говорили издревле: “У каждой эпохи свои кликуши и лиходеи”. Так оно и есть. В трудную пору они объявлялись тут как тут в каждом ауле, вылезали из всех щелей. Я уже сказала выше, что мой отец впервые перевел священный Коран на казахский язык. Хранились у него дома и другие религиозные книги, толстенные духовные сборники, научно-философские трактаты, мусульманские киссы и дастаны. В свободное время отец любил читать, переводить, что-то записывать, предпочитал уединение, отстранял-

ся от сует жизни, избегал хозяйских забот и хлопот. На свои средства построил мечеть, обучал детей мусульманской грамоте. Старший мой брат, Рахманкул, впоследствии рассказывал мне, что посетил то место, где стояла некогда отцовская мечеть, и обнаружил лишь огромный холм.

Приближался 1917-й год, принесший в аул не радость, а горе, не благо, а беду, не мир, а войну. Накануне мой отец съездил в Оренбург, поучаствовал в сборе интеллигентов-просветителей, приверженцев алаш-ордынских идей и направления. Вернулся отец с того большого и знакового совещания просветленным, однако, будучи осторожным, умудренным жизнью человеком, в совершенстве владевшим русским языком, он ни словом не обмолвился среди близких и знакомых, что это было за совещание и о чем там шла речь. Однако наблюдательные и сметливые жены старших сородичей тотчас заметили произошедшие в нем перемены.

— Глядите, наш заступник и благодетель прямо-таки весь светится. Даже одеваться стал по-другому. И все ему так идет, будто влитое. Вернулся из далекого края, будто окрыленный большой мечтой, высокой целью.

Должно быть, так оно и было.

Но вскоре начался колоброд, загубивший на корню и мечты, и цели.

Жил-поживал тогда в нашем ауле сородич моего отца по имени Шахб. В темной душонке его прочно обосновались все человеческие